

УДК 130.2:796

doi:10.35853/vestnik.gu.2025.13-3.14
5.7.8.

Физическая культура и спорт в контексте конфликтной и постконфликтной культуры России 1990-х годов

Диана Кайратовна Сатыбалдина

Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б.Н. Ельцина,
Екатеринбург, Россия, diasatru@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0001-5018-9284>

Аннотация. В работе исследуются особенности существования физической культуры и спорта в России 1990-х годов постсоветского периода, которые, на взгляд автора, недостаточно изучены социально-гуманитарными науками. Общество России 1990-х столкнулось со множеством вызовов, социальных и внутриличностных конфликтов, требующих адаптации, осмысления и преодоления, что подтверждается материалами СМИ, опубликованными в исследуемый период. В работе описывается система спортивной культуры, сложившейся к излету существования советской власти, а также способность данной системы вписаться в реалии новой общественно-политической системы. Демонстрируя специфику реализации спортивной деятельности как институционально организованной формы и как повседневной практики, включая культуру болельщиков, автор выявляет связь этих систем и практик с конфликтной культурой России 1990-х. В ходе рассуждения автор показывает потенциал этих форм социальной деятельности как способа осуществления и урегулирования конфликтов. Также автор уделяет внимание спорту в рамках борьбы за «право на насилие», которая началась в России после распада обладавшего монополией на это право Советского Союза. История участия ветеранов военных действий в афганской и в Первой чеченской кампаниях, а также в организованных преступных формированиях 1990-х гг. позволила прийти к выводу о непосредственном влиянии спортивного опыта на получение указанного права в новом обществе.

Ключевые слова: спорт, физическая культура, постконфликтная культура, Россия 1990-х, социальные практики

Благодарности: исследование выполнено при поддержке гранта Российского научного фонда (проект № 23-18-00851).

Для цитирования: Сатыбалдина Д. К. Физическая культура и спорт в контексте конфликтной и постконфликтной культуры России 1990-х годов // Вестник Гуманитарного университета. 2025. Т. 13, № 3. С. 196–203. DOI 10.35853/vestnik.gu.2025.13-3.14.

Physical Culture and Sport in the Context of Conflict and Post-Conflict Culture in Russia in the 1990s

Diana K. Satybaldina

Ural Federal University named after the First President of Russia B. N. Yeltsin,
Yekaterinburg, Russia, diasatru@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0001-5018-9284>

Abstract. The study explores the characteristics of the development of physical culture and sports in Russia during the 1990s of the post-Soviet era, which, in the author's view, have not been adequately examined by the social sciences and humanities. The society of Russia during the 1990s faced many challenges, both social and personal conflicts, which required adaptation, understanding, and overcoming. This is supported by the media materials published during this

period. The paper describes the system of sports culture that had developed by the end of the Soviet regime, as well as the ability of this system to fit into the realities of the new socio-political system. Demonstrating the specifics of the implementation of sport as an institutionally organized form and as an everyday practice, including fan culture, the author reveals the relationship of these systems and practices to the conflict culture of Russia in the 1990s. In the course of the discussion, the author shows the potential of these forms of social activity as a way of realizing and resolving conflicts. The author also focuses on sport as part of the struggle for the “right to violence” that began in Russia after the collapse of the Soviet Union, which had a monopoly on this right. By examining the experiences of veterans of the Soviet-Afghan War and the First Chechen War, as well as of organized crime in the 1990s, the author concludes that sporting experience has a direct impact on the acquisition of this right in the new society.

Keywords: sport, physical culture, conflict culture, Russia in 1990s, social practices

Acknowledgments: the research was supported by a grant from the Russian Science Foundation No. 23-18-00851.

For citation: Satybaldina DK. Physical Culture and Sport in the Context of Conflict and Post-Conflict Culture in Russia in the 1990s. *Vestnik Gumanitarnogo universiteta = Bulletin of Liberal Arts University*. 2025;13(3):196-203. (In Russ.). DOI:10.35853/vestnik.gu.2025.13-3.14.

Человечество не имеет опыта бесконфликтного существования, и именно поэтому исследования конфликтов никогда не будут терять своей исследовательской актуальности. Конфликты гаснут, трансформируются, разрешаются и возникают вновь. Природа и особенности структуры конфликтов вызывают интерес не только у авторов в области педагогики и психологии, но, конечно, и у философов и историков. Каждый исследователь пытается выбрать феномен или систему культурных практик, которые смогут открыть что-то новое в определении и систематизации конфликтной культуры. На наш взгляд, недооцененным потенциалом в области изучения природы конфликтов обладает спорт. В частности, это касается рассмотрения практики физической культуры и спорта как телесной культуры, массового социокультурного феномена, позволяющего найти способы преодоления и переживания конфликтной ситуации.

Обращаясь к опыту философской и исторической рефлексии проблематики спорта, можно отметить несколько ключевых моментов. Во-первых, историческая наука стала профессионально заниматься спортом только к началу 1980-х годов (см.: [Айзенберг 2009, с. 86]). При этом К. Айзенберг отмечает, что фундаментальные работы зачастую останавливаются на начале XX века, а остальные – либо носят историографический характер, либо изучают точечные кейсы, о чем свидетельствует множество академических публикаций, касающихся истории конкретных видов спорта в определенном месте или в определенный период времени (см.: [Мухаматулин 2019; Прокуменщиков 2019; Эдельман 2008]). В свою очередь, в рамках философских исследований спорта ведется дискуссия: считать ли предметом анализа непосредственно специфичные телесные практики либо особый опыт человека, который расширяет пределы его возможностей (см.: [Лановский 2021, с. 38])? Пьер Бурдьё подчеркивает, что спорт выделяется в автономное поле благодаря рационализации игрового соревновательного процесса, а также является частью политического этоса, поэтому распределение спортивных практик непосредственно связано с социальным классом [Бурдьё 2009]. Более того, содержательно философия спорта может предложить интеграцию нормативных описаний современных социальных процессов и телесных практик, представленных в культуре (см.: [Кильдюшов 2013, с. 56]). Необходимо отметить, что в анализе физической культуры и спорта важное место занимает проблематика телесности: ее конструирование самим человеком и социальными институтами (см.: [Алкемейер 2006; Столяров 2011]), а также ритуализация телесных практик (см.: [Гуттман 2009]).

Если же мы обратимся к работам, осмыслявшим физическую культуру и спорт в России после 1991 года, то обнаружим, что они практически отсутствовали в поле исследовательской деятельности. Происходившие фундаментальные трансформации

почти не попадали в поле профессиональной интеллектуальной рефлексии современников, находя отражение только в публицистике и средствах массовой информации. При этом историческая близость событий 1990-х и преемственность социальных институтов и феноменов данной эпохи в обществе современной России делает анализ опыта спортивных практик в России 1990-х как никогда актуальным. В связи с этим нашей исследовательской задачей становится изучение потенциала физической культуры и спорта как формы преодоления и разрешения конфликтов, что было релевантно общественной ситуации 1990-х и остается востребованным до сих пор.

Спортивную культуру, предшествовавшую 1990-м годам, которая была сформирована в СССР, можно рассматривать в различных оптиках: эстетической, экономической, антропологической, идеологической и множестве других. При этом, независимо от подхода, социальные взаимодействия в рамках физической культуры и спорта строятся на базе конфликтной дихотомии «Я – Другой». На заре создания советского проекта как такового и проекта советского человека в частности спорт стал частью формирования не просто гражданина СССР, воплощающего определенные идеалы и физические параметры тела. Советский человек должен был выигрывать в борьбе с представителем капиталистического мира как в эстетическом выражении телесности, что нашло отражение в художественных образах сталинской эпохи (мозаиках, картинах, садово-парковой скульптуре), так и в непосредственном соревновании, спортивном или военном (см.: [Колесников 2021]). В период после Второй мировой войны этот посыл только усиливался, поскольку противостояние политических систем перешло из состояния «горячего» в состояние «холодного», сделав международные соревнования (в особенности чемпионаты мира и Олимпийские игры) конфликтным полем идеологических систем. Победа советского антропологического проекта в публичном мировом пространстве поддерживалась на всех уровнях государства, включалась в установки программных документов партии. Следует отметить, что и во время Великой Отечественной войны спорт продолжал оставаться в поле конфликтного противостояния, ярким примером чему может служить знаменитый «матч смерти» 9 августа 1942 года в оккупированном немецкими войсками Киеве, который выиграли футболисты киевского хлебозавода.

На более поздних этапах существования СССР к концу 1980-х – началу 1990-х годов в СССР физическая культура и спорт имели устоявшуюся институциональную структуру: любительский и профессиональный спорт были встроены в иерархическую систему, а инфраструктура имела тесные связи не только с государством, но и с крупными предприятиями, которые не только помогали создавать, но и содержали стадионы, бассейны, лыжные и туристические базы и многое другое. Продолжалось и спортивное планирование.

После успешного проведения летней Олимпиады в 1980 году руководство страны решило выиграть конкурс на проведение и зимних игр. 28 апреля 1989 года в ЦК КПСС начали секретное обсуждение городов-кандидатов (см.: [Баунов 2001, с. 242]), и, отклонив кандидатуры Алма-Аты и Бакуриани, 4 августа Постановлением Национального олимпийского комитета СССР город Сочи начал олимпийскую гонку на проведение игр в 1998 году. При этом важно отметить, что к 70–80-м годам отмечается спад интереса рядовых граждан к массовым физкультурным практикам, на смену которым приходит опосредованное участие в виде зрителей (см.: [Сатыбалдина 2024, с. 65]). Таким образом, продолжая системно поддерживать интерес рядовых граждан к занятию физической культурой, государство понимало, что именно профессиональный спорт является полем международного идеологического противоборства. Тела участников сборных страны стали коллективным «идеальным телом», с которым ассоциировали себя обычные люди, будучи болельщиками, наблюдающими за указанной борьбой с помощью СМИ.

Что же происходит с физической культурой и спортом в 1990-х годах? Для многих читателей данной статьи кризисное, а порой и критическое состояние спортивных

и физкультурных институций в этот период не будет удивительным, как и появление множества социальных, институциональных и культурных конфликтов.

В первую очередь следует отметить, что физическая культура и спорт новой России после распада СССР оказался в рамках институциональных противоречий, поскольку долгие годы не существовало адекватной сложившейся ситуации законодательной и нормативной базы для организации работы данной системы от уровня большого спорта до детских спортивных дворовых клубов. Закон федерального уровня, который создавал систему управления в сфере физической культуры и выстраивал государственную политику в области спорта, был принят только весной 1999 года (см.: [Базунов 2001, с. 350]).

Еще одной чертой институционального кризиса стала утрата предприятиями и организациями своей спортивной инфраструктуры, которую они не могли больше содержать и поддерживать в рабочем состоянии; более того, известны случаи, когда на спортивную инфраструктуру переходили долги курирующего предприятия (см.: [Баталов 1998]).

Реформированию подвергся и армейский спорт. Так, на Урале с мая 1998 года «прекратил существование спортклуб Уральского военного округа, оставив без работы десятки тренеров. К 1998 г. из 42 армейских клубов продолжили существование только 10» [Поздеев 1998]. Мы видим, что сама структура различных спортивных институций в 1990-х годах в России продолжает работать, но не обладает полноценным нормативным статусом, целями и задачами, сформулированными государством. В России 1990-х объекты и субъекты спортивной деятельности оказались не только в состоянии перехода, но иногда и в полностью внесистемном положении, формируя коммуникативный конфликт (см.: [Головин 2021, с. 12]), при котором единое представление об образе человека, формируемом физической культурой и спортом, на уровне государства деконструировано, что отличалась от системы, функционировавшей на исходе существования СССР.

Перед эпохой перемен, в 1980-х, в исследованиях спорта советская система преподносилась в качестве формы реализации марксистско-ленинской модели мышления, противостоящей западной капиталистической системе. В западной системе спортсмен выступал в роли товара, участвовавшего в жестких соревнованиях, репрезентирующих торжество индивидуализма (см.: [Визитей 1986, с. 58, 66–68]). Спортсмены в СССР, в свою очередь, осуществляли социально полезную деятельность, наполненную принципиально иным нравственным содержанием, производя, а не потребляя [Там же, с. 58, 86, 60]. Таким образом, спортсмены и тренеры, воспитанные в духе социалистического соревнования, получавшие стабильную зарплату от государства или структур и организаций, после 1991 года оказались в ситуации рыночной экономики, где заложенные в них идеологические установки не находили подтверждения в окружающей социальной реальности, а спорт и личная репрезентация постепенно становятся тем самым, критиковавшимся ранее, «товаром», что приводило к внутриличностным экзистенциальным конфликтам, разрешить которые удалось далеко не всем; иными словами, результатом такого конфликта становится проблематичность социального действия.

По Т. Парсонсу, такое действие – это в том числе возможность и способность выражать свои аксиологические установки [Парсонс 2002], а люди, задействованные в сфере физической культуры и спорта, оказываются вовлеченными в конфликт привычных ценностей и ценностей, диктуемых новой социальной ситуацией. Подобные ценностные противоречия в профессиональной спортивной среде и сфере физического воспитания станут характерными для постконфликтной культуры не только 1990-х, но и 2000-х годов, что находит отражение в публичных интервью с тренерами, ветеранами спортивного движения и действующими атлетами.

Важно отметить, что как конец советской эпохи, так и 1990-е годы были отмечены военными конфликтами, которые, безусловно, должны иметь свою форму постконфликтной репрезентации. В случае войны в Афганистане интересно, что ветеранами

боевых действий в своих воспоминаниях «в качестве противника СССР указываются не фактические противники на территории Афганистана в лице афганцев из противоборствующих отрядов, а американцы, поддерживавшие их» [Гаджиев, Даутова 2025, с. 50]. После войны складывается несколько нарративов описания происшедших событий. Интересно, что наряду с апокалиптическим восприятием и жанром социалистического романтизма, исследователями выделяется даже скептический нарратив описания военных действий в Афганистане, в рамках которого они разводятся участниками локального конфликта с событиями Второй мировой войны не только по времени, но и в культурно-историческом дискурсе, выраженном в репрезентации великого подвига, героического, народного сплочения (см.: [Там же, с. 55–57]).

В 1989 году подписано Постановление о «моральном и политическом осуждении решения о вводе советских войск в Афганистан», что также кардинально отличается от отношения к Великой Отечественной войне на государственном уровне. Таким образом, с одной стороны, военный конфликт в Афганистане рефлексировался как часть устоявшейся в советское время дихотомии конфликта «СССР – США», а с другой – ветераны данного конфликта попали в ситуацию, когда государство, которое должно было оказывать им поддержку в публичном дискурсе, перестало существовать. На первый план после войны у граждан бывших республик СССР выходят социальные и внутриличностные конфликты.

Отчасти схожая ситуация имела место в отношении Первой чеченской кампании, к которой нельзя было применить устоявшиеся нарративы народа-победителя. Более того, военный конфликт между гражданами одной страны де-юре усложняет проведение границы «свой-чужой» / «Я – Другой». Ветераны чеченских войн находили объяснение своего пребывания в зоне боевого конфликта уже постфактум, например после событий, «произошедших в Будённовске или Беслане» [Танайлова 2021, с. 109].

Ввиду указанных противоречий представленные военные конфликты не могли вписаться в систему постконфликтной культуры, продолжающей паттерны постконфликтной культуры, сформировавшейся после Великой Отечественной войны. В сообществе ветеранов локальных военных кампаний происходит пересборка практик постконфликтной культуры в соответствии с актуальной общественно-политической ситуацией.

Одной из форм включения в постконфликтную культуру ветеранов локальных войн становятся физическая культура и спорт, при этом, если говорить об институциональных формах культуры, таковыми стали клубы военно-патриотического воспитания. Подобные клубы начинают появляться на излете советской эпохи, активно распространяются в различных регионах России в 1990-х годах, занимаясь не только историческим просвещением, но и военно-спортивной подготовкой детей и подростков. Ветераны боевых действий, отдавшие долг Родине, находят возможность адаптировать травматичный опыт боевых действий в опыт наставничества и подготовку молодых людей к службе в армии. Формируют у подрастающего поколения командный дух, передают опыт жизни в «боевом братстве» в рамках военно-спортивных игр, которые характеризуются воспитанием командного духа и отработкой навыков преодоления стресса (см.: [Третьяков и др. 2024, с. 342]). Самостоятельные занятия спортом также становятся важной частью постконфликтной культуры ветеранов локальных боевых действий, «он оказывается средством объединения и способен воссоздать то ощущение боевого братства, которое возникало среди ветеранов в местах ведения боевых действий. По словам одного из ветеранов, именно это ощущение единства и понимание того, что он является частью сообщества, которое его поддерживает» [Танайлова 2021, с. 112], т. е. данные практики служат формированию идентичности ветеранов в контексте новой культуры, формирующейся после завершения военных конфликтов.

Также следует отметить, что в 1990-х спорт оказался на границе социальной и индивидуальной безопасности. С момента своего зарождения спортивные практики связаны с констатацией права сильного. В СССР государство было доминирующим инсти-

тут, обладающим правом на демонстрацию, аккумуляцию и организацию силы. Например, Н. Элиас описывает «не явную на первый взгляд связь между спортом и формированием современных государств, в основе которых лежит монополизация насилия. Исторически возможности конвертировать избыточное насилие в подчинённые жестким правилам соревнования во многом зависят от способности государства и общества поддерживать институт спорта» (цит. по: [Волков 2002, с. 26]). В свою очередь, в 1990-х годах, после трансформации, исключения и отмены прежних социальных институтов, спортивные секции, команды, коллективы по-прежнему оставались довольно устойчивыми социальными системами, обладающими воспроизводимым опытом дисциплинарной организации телесных практик. В связи с чем неудивительно, что многие организованные преступные группировки и формирования складывались на базе спортивных клубов, баз и коллективов (ОПГ Уралмаш [Хабаров 1999], ОПГ «Спортсмены», Новокузнецкая ОПГ и др.) (см.: [Волков 2002, с. 24]. С одной стороны, спортсмены буквально обладали физическим преимуществом и могли присвоить себе право на насилие и агрессию, а с другой стороны, иерархичность, структурность и дисциплинированность спортивных сообществ были системной альтернативой для деконструированного распадом СССР общества. Таким образом, при утрате государством монополии на осуществление «права сильного», его присваивают социальные группы (отметим, что некоторые организации ветеранов локальных конфликтов, обладающих недавним боевым опытом, также стали базой для формирования преступных организаций (см.: [Волков 2002, с. 28–29])), обладающие силой в буквальном смысле этого слова.

Подобные «силовые» реакции на изменения социальной структуры, необходимость преодоления социальных конфликтов привели и к формированию массовых общественных практик, дающих возможность нормализовать повседневность в рамках новой постконфликтной культуры. Рост уличной преступности породил увеличение интереса среди населения к новым видам единоборств (зачастую восточным, например каратэ и тхэквондо, а также не забывалось классическое самбо) и методам самообороны. Например, в каждом номере журнала «Спортивная жизнь России» есть обучающий раздел, посвященный защите от нападения, в том числе с ножом и палкой, а также в каждом номере присутствует реклама клубов и секций, обучающих различным единоборствам. Стоит отметить, что во многих изданиях исследуемого периода, в том числе не посвященных спорту, можно найти множество рекламы и самоучителей по самообороне, еще одним трендом публицистики является культуризм и реклама тренажеров для накачанного тела. Спортзалы и «качалки» становятся местами, аккумулирующими в человеке особый «телесный капитал» (см.: [Нишуков, Горюнов 2013, с. 116]). Своеобразным отражением подобного проникновения спорта в культуру повседневности стала и спортивная мода на ношение тренировочных костюмов, которая распространилась на все постсоветское пространство. Спортивный образ жизни стал источником предупреждения и решения социальных конфликтов, появившихся в связи с перераспределением «права сильного» в новом обществе.

Финальным аспектом включения спорта в социальные и культурные конфликты 1990-х мы бы хотели назвать движение болельщиков. Безусловно, фанаты, в большей степени футбольные, появляются в СССР к концу 1970-х гг. и объединяются в группы в 1980-х (см.: [Журавков 2009, с. 177]), но эти группы, скорее, организовывались по принципу «фанат фанату – товарищ, друг и брат».

В 1990-х фанатское, а в отечественной действительности «околофутбольное» сообщество стремительно растет. На наш взгляд, с точки зрения теории конфликта тому есть несколько объяснений. Во-первых, российское общество на групповом и индивидуальном уровне пребывало в состоянии множества неразрешенных социальных, культурных, экономических и политических конфликтов, и эти конфликты существовали в активной фазе в течение нескольких лет.

Что представляет собой спортивное состязание? Это, фактически, организованный и контролируемый конфликт двух команд. Более того, этот конфликт обязательно бу-

дет разрешен, он получит явное завершение. Видимо, регулярное «болевание» дает периодическое ощущение разрядки, понимание возможности разрешения и завершения конфликта пребывающим в подвешенном состоянии людям. С другой стороны, околофутбольное сообщество становится местом концентрированного выплеска агрессии. Поскольку «культуры позитивного решения конфликта» в стране практически не было сформировано, а новые социальные связи устанавливались, в том числе, по «праву сильного», движение фанатов становится местом выплеска насильственного противостояния в виде не только нецензурных кричалок, зажигания фаеров, но и открытого противостояния с органами внутренних дел и массовыми драками вне стен стадиона.

Все вышеизложенное позволяет нам выявить два основополагающих вектора влияния спорта на конфликтную культуру России 1990-х и в особенности после 1991 года. Первый – это институционально-организующий. Несмотря на тот факт, что с нормативно-правовой точки зрения физическая культура и спорт не были закреплены и оформлены соответствующим образом, сама система сформированной и регулярной коллективной деятельности сохранила интегративный потенциал, позволяя объединять людей, переживших различные конфликты, в сообщества, где это эти конфликты могут быть решены полностью или временно, например пока человек является участником или зрителем соревнования.

Вторым вектором мы бы обозначили спорт как опыт взаимодействия с агрессией, обладанием или утратой «права на силу». Физическая культура и спорт продолжают оставаться формой контролируемого избавления от накопленной групповой и индивидуальной агрессии по отношению к Другому, в то же время нельзя отрицать, что объединенные по спортивному принципу люди в силу эмоциональной включенности, дисциплины и опыта коллективной телесности могли переносить накопленную социально окрашенную агрессию на других людей, как это было с преступными формированиями или в «околофутбольной» среде, создавая новые, а не преодолевая старые конфликты в обществе. В свою очередь, ветераны локальных военных конфликтов, не имея возможности репрезентировать себя в новом обществе в известном дискурсе народа-победителя, сложившегося после мая 1945 года, используют спорт как практику адаптации и интеграции в новую социальную реальность.

Мы можем сделать вывод о том, что российская постконфликтная культура 1990-х годов в контексте физической культуры и спорта тесно связана с практиками телесности, с демонстрируемым обладанием физической силой. При этом спорт может служить как инструментом гармонизации общественных отношений, разрешения внутриличностных противоречий, так и инструментом поддержания социальных конфликтов в активной фазе.

Список источников

- Айзенберг К. Открытие спорта современной исторической наукой // Логос. 2009. № 6 (73). С. 82–98.
- Алкемейер Т. Социология спорта. Телесные практики субъективации и самоинсценировки // Логос. 2006. № 3 (54). С. 141–146.
- Базунов Б. А. Спорт. XX век: Хроника отечественного и мирового спорта: события, персонажи, рекорды. М. : Советский спорт, 2001. 376 с.
- Баталов Н. А. Поплавал? Заплати долги... завода [интервью с директором спорт. комбината «Урал» о проблемах финансирования / вел Г. Чугаев] // Вечерний Екатеринбург. 1998. 12 февр.
- Бурдые П. Как можно быть спортивным болельщиком? / пер. с англ. А. Смирнова // Логос. 2009. № 6 (73). С. 99–113.
- Визитей Н. Н. Физическая культура и спорт как социальное явление: Философские очерки / отв. ред. П. С. Степовой ; Кишин. гос. пед. ин-т им. И. Крянгэ. Кишинев : Штиинца, 1986. 160 с.

- Волков В. Ю. Силовое предпринимательство в современной России. Глава 2. К теории силового предпринимательства // Экономическая социология. 2002. Т. 3, № 1. С. 18–43.
- Гаджиев А., Даутова Т. Е. Нарративные жанры и культурные ресурсы обыденных обоснований войны в Афганистане (1979–1989) // Интеракция. Интервью. Интерпретация. 2025. Т. 17, № 1. С. 42–62. DOI 10.19181/inter.2025.17.1.3.
- Головин Н. А. Понятия социального конфликта Н. Лумана: к расширению исследований коммуникативного поля // Коммуникации. Медиа. Дизайн. 2021. Т. 6, № 1. С. 5–21.
- Гуттман А. От ритуала к рекорду // Логос. 2009. № 6 (73). С. 147–187.
- Журавков А. А. Генезис субкультуры футбольных фанатов в России // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2009. № 1. С. 173–176.
- Кильдюшов О. Спорт как дело философии: об эвристической ценности новой аналитической оптики // Логос. 2013. № 5 (95). С. 43–60.
- Колесников А. Б. Физкультура и спорт в СССР как социальная «лаборатория» конструирования идеала советского человека // Исторический курьер. 2021. № 6 (20). С. 170–178.
- Лановский М. Ф. Философия спорта и философское постижение человека: опыт XX и перспективы XXI века // Философия и общество. 2021. № 2 (99). С. 35–56.
- Мухаматулин Т. А. «Женщины и штанга – слишком необычное сочетание»: история женского атлетизма в СССР в 1960-е – начале 1970-х годов // Вестник Пермского университета. Серия : История. 2019. № 4 (47). С. 113–120.
- Нишуков В., Горюнов М. Тело качка // Логос. 2013. № 5 (95). С. 108–118.
- Парсонс Т. О структуре социального действия / под общ. ред. В. Ф. Чесноковой и С. А. Белановского. Изд. 2-е. М. : Академический проект, 2002. 880 с.
- Поздеев Л. Зачем обидели Урал? Под угрозой – спортивная слава округа : [О прекращении существования спортклуба Ур. воен. окр] // Красная звезда. М., 1998. 25 сент. С. 4.
- Прозументчиков М. Ю. Москва и олимпийский огонь разделенной Германии (политическая история Олимпиады 1972 года в Мюнхене) // Вестник Пермского университета. Серия : История. 2019. № 4 (47). С. 121–132.
- Сатыбалдина Д. К. Спорт как практика конструирования человека в постконфликтной культуре СССР и Югославии конца 1960–1980-х годов // Личность. Культура. Общество. 2024. Т. 26, № 3-4 (123-124). С. 60–72. DOI 10.25991/c9494-3164-1971-y.
- Столяров В. И. Философия спорта и телесности человека : монография : в 2 кн. Кн. 1 : Введение в мир философии спорта и телесности человека. М. : Университетская книга, 2011. 776 с.
- Танайлова В. А. (Не)быть ветераном чеченских войн // Сибирские исторические исследования. 2021. № 2. С. 99–119.
- Третьяков А. С., Суворова Н. В., Наконечная Е. В., Колпакова Т. В., Думикян М. С. Военно-спортивные игры, как средство воспитания студенческой молодежи // Образование и право. 2024. № 1. С. 339–342. DOI 10.24412/2076-1503-2024-1-339-342.
- Хабаров А. Со спортом дружу с детства и на всю жизнь [подборка материалов о рук. ОПС «Уралмаш»] // Слово и дело. Екатеринбург, 1999. 9 дек.
- Эдельман Р. Серьезная забава: История зрелищного спорта в СССР / пер. с англ. И. С. Давидян. М. : Советский спорт : АИРО-XXI, 2008. 400 с. (Серия «История нашего спорта»).

Информация об авторе

Диана Кайратовна Сатыбалдина, ассистент, кафедра истории философии, философской антропологии, эстетики и теории культуры Уральского федерального университета им. первого Президента России Б.Н. Ельцина (Екатеринбург, Россия). SPIN-код: 6867-5744, ResearcherID ACM-6680-2022.

Information about the author

Diana K. Satybaldina, assistant at the Department of History of Philosophy, Philosophical Anthropology, Aesthetics and Theory of Culture, Ural Federal University named after the First President of Russia B. N. Yeltsin (Yekaterinburg, Russia).

Статья поступила в редакцию | Submitted 20.06.2025.

Одобрена после рецензирования | Revised 23.06.2025.

Принята к публикации | Accepted 23.06.2025.